

Из воспоминаний Т.П. Нишанбаева (1955-2017)*

... Меня давно просят рассказать историю, которая началась в моем юношестве и через, примерно 30 лет, завершилась открытием нового минерала поляковита. В этой истории Поляков Владислав Олегович сыграл ключевую роль. Правда, не он один.

Год 1967. Заповедник. Мне 12 лет. Мы, заповедные мальчишки, очень любили цирконы. Старшие говорили, что в войну спичечный коробок цирконов принимали в приемном пункте в Миассе за один военный рубль и это считалось приличной суммой. Но для нас дело было не в цене - в наше время никто цирконы не принимал, - а в том, что сами кристаллы циркона притягивали к себе какой-то волшебной магической силой. Мы часто пропадали на копиях (скрытно) в поисках кристаллов циркона, и мечтой каждого из нас был гиацинт. Мы толком и не представляли этот самый гиацинт, какой он, но звучное название завораживало нас, и мы состязались в поисках медово-чайных кристаллов. Иногда везло. Особенно на копи № 4, что на Торфянке. Сейчас там кордон, а до войны и в войну располагалась начальная школа, где заповедные дети учились до четвертого класса. Моя мама вместе с сестрами ее и заканчивала. Тогда. А я в копи рядом с этой школой такой гиацинт нашел! Все мальчишки иззавидовались. Даже везучий Серега Жарких.

Надо сказать, что любой заповедный мальчишка знал, как минимум, с десяток местных минералов: амазонит, кварц, циркон, ильменит, нефелин, сфен, апатит, аквамарин, топаз, канкринит, вишневит, содалит и т.д. Кто-то даже знал самарскит или еще что-нибудь позакорыстее. Название только, конечно. А уж письменный гранит знал в Заповеднике, похоже, каждый младенец. Ферсмановская школа! У каждого в доме была хоть какусенькая-нибудь коллекция наших ильменских минералов.

Порядок в Заповеднике в те времена был другим. Строгим. Нам, мальчишкам, запрещалось без надобности заходить в лес даже в пределах поселка – лес вдоль дороги от поселка до «24 Дома», Дома Заварицкого, был отгорожен деревянным забором. Ровным. Выкрашенным. Не дай Бог, кто-то зайдет за забор и нарушит птичью жизнь – греха не оберешься. Но были места, куда особо не запрещалось ходить. Одним из таких мест был Телячий загон на другой стороне Торфяного болота и рядом с ним Озерко на речке Черемшанке. На Озерке мы любили рыбачить. С разрешения взрослых, конечно. Разрешение спрашивали или у добрейшего, а с виду, очень строгого Юрия Прокопьевича Запвалова – начальника охраны Заповедника, или у Жарких Александра Павловича – начальника лесного отдела Заповедника. Иногда и не спрашивали. Или спросим один раз, а сходим несколько раз. Свои были детские хитрости.

Итак, 1967 год. Лето. Мы – это я, мой двоюродный брат Саня Тимонов, друзья: Серега Жарких, Вовка Муранов и, вроде, Саня Галкин пошли на Озерко рыбачить. Перешли болото, вышли на Телячий загон и по тропе двинулись в сторону Озерка через канавы, нарытые геологами – в 1962 году Богомолова(?) делала тут съемку. Геологическую. Канавы были еще свежие и их приходилось перепрыгивать. Иногда мы в них заглядывали, но ничего особо интересного не находили. Меня на Телячьем загоне всегда подташнивало и я старался быстрее его пройти. Цирконов, на которых мы были помешаны, в канавах не было. А в тот раз Серега Жарких из стенки канавы, раз, и достал небольшой плоский образец сантиметров в семь-восемь с кристаллом посреди лепешки амфиболового агрегата, вроде как на вид циркона, величиной сантиметра в полтора. По нашим меркам это был крупный циркон. Но этот циркон сразу всем не понравился – на нем было три или четыре грани, не очень ровные, бугристые. И блеск был уж слишком жирноватый для циркона. А цвет не плохой, почти гиацинтовый. Все по очереди покрутили камешек, поморщились. А мне он с чего-то сразу в душу запал. Смотрю, Серега Жарких сумлевется: брать-не брать, а может выбросить? Я этот лепешечный образец с цирконом у Сереги, торопясь, и выпросил. Серега без сожаления мне его и отдал.

В то время я только начинал собирать свою первую коллекцию минералов. Центральными в моей коллекции были образцы горного хрусталя из Непряхино с Хрустальной горки, что на краю деревни – сам добыл. Цирконов чудных у меня еще не было. И положил я Серегин образец рядом с непрахинским хрусталем. Мама моя, Тимонова Екатерина Тимофеевна, в местных минералах толк тоже знала – и копи чистила с моим дедом Тимофеем до войны, и старшей сестре Антонине помогала экскурсии по копам и на вышку пожарную водить – тогда это было обязанностью Заповедника: просвещать и приваживать к минералогии. Ой, как маме не понравился этот Серегин циркон: выкинь его, это не циркон, сказала она мне сразу! Я спорил, что циркон и не выбрасывал лепешечный образец.

Часть моей пополняющейся коллекции регулярно выбрасывала мама. Раз в год. В среднем. Когда образцами укладывался уже и подоконник в доме. И когда меня не было. Оставляла на свое усмотрение лучшее, а все остальное складывала в ведро и высыпала в огород. С краю огорода. Каждый раз, в каждую ее ревизию, в ведро отправлялся и Серегин циркон. Каждый раз после ревизии я шел на поиски выброшенной коллекции в огород, находил кучу своего минералогического «хлама», проводил свою ревизию и часть образцов возвращалась обратно в дом. В том числе, почему-то, обязательно Серегин циркон. Последний раз мама выбросила этот образец, когда я служил в армии. Пока я служил, брат мой Юрка натащил чудных азуритов с Учалов с Молодежного месторождения – тогда там велись вскрышные работы, а Юрка попал туда на полевые работы с Поповыми: Владимиром Анатольевичем и Валентиной Ивановной. Какие были азуристы!

А еще до армии показал я лепешку с цирконом Василию Антоновичу Дмитриеву – своему первому учителю, мастеру шлифовального дела, знатоку цирконов и ильменских копей. Василий Антонович обучался изготовлению шлифов у Медведева, а того обучил сам А.Е. Ферсман. Покрутил Василий Антонович образец и вынес свой строгий вердикт: похож и не похож. Показал образец Гере Романову, нашему заповедному хитнику фарцовому. Везло ему: на 179 копи такие цирконы добыл! А на 118 копи такой вишневит взял – фантастика! В музее до сих пор такого нет. Иван Давыдович Петраков, с которым они 118 копь чистили слезами обливался от зависти, рассказывая как Гошке Романову повезло. Но и Гоша определенно не сказал мне: циркон или нет. Не здря знаток.

Вернулся из армии я в декабре 1975 года женатым, дочери Анастасии было уже полгода. Смотрю, на месте Серегиного циркона на моей этажерке в доме азуристы и азуристы учалинские! Красиво, ничего не скажешь, а циркона то на лепешке нет! Ладно. Жалко как-то стало. Наступила весна 1976 года. Огород копаем с женой Татьяной. Под картошку. Мысль свербит: где-то должен лежать мой минералогический «хлам», выброшенный мамой, а там должен быть и Серегин циркон. Наткнулся на «хлам». Легко в нем нашел лепешку с цирконом. И думаю: ну, вот сколько меня преследует эта лепешка с цирконом? Давно! И что в ней такого, что я отвязаться от этого кристалла не могу много лет? Ну, да, что-то в этом цирконе не то: и похож и не похож на циркон. В этом все мои сомнения. А чтобы их не было, думаю, выброшу-ка я его куда подальше. Рядом с огородом стоял наш сарай-дровник. Над дверью в сарай было вставлено маленькое окошечко. Застекленное. Говорю жене: вот ведь зараза какая, почти десять лет над душой висит то ли циркон, то ли нет. Выброшу-ка я его. Хочешь, говорю, с разворота, не прицеливаясь, в то окошечко в сарае попаду: ну, не выбрасывать же так просто, хоть какую-нибудь, хоть вредную пользу но принесет. С одной стороны. А с другой я глаз на меткость набью – глядишь, пригодится в будущем. Где – не знаю. Но на всякий случай. Жена надулась: хулиганство проявляешь. Ну, ладно, говорю, выброшу в другую сторону. Встал спиной к сараю с окошечком, замахнулся в полную силу, чтобы через дом перебросить на другую сторону. И вот движение руки уже пошло, а в голове мысль: циркон или нет, не разобрался же! В последний момент, зашвыривая лепешку в небо, я подкрутил указательным пальцем ее так, чтобы она бумерангом прилетела ко мне

обратно. Видно, кто-то еще ее подкрутил, кроме меня, потому что, когда лепешка взмыла вверх выше дома, на мгновение замерла в высшей точке и по дуге устремилась обратно, я уже знал, что маленькому окошечку в нашем сарае пришел «кирдык». Так оно и случилось. Дзынь, и стекла в сарае нет. Жена надулась: ты все специально так рассчитал, чтобы окошко в сарае выбить. Вот так, думаю, от одного взмаха две неприятности: и стекла нет, и жена дуется. Вот чертова лепешка с цирконом! Угораздило же меня у Сереги ее выпросить.

Сарай был забит дровами чуть не под крышу. Я даже не полез в сарай искать лепешку с цирконом: пропади она пропадом. Дровами то, что было в сарае, назвать было трудно. Это были расколотые керновые ящики куда когда-то давно складывал керн Басов Владимир Михайлович, еще когда разбуривал в 60-х гипербазитовые массивчики на Няшевке. Я ящики прибрал в свое время по бедности, забил этим полугнильем сарай, а топил свежезаготовленными дровами. Поэтому, когда нам дали «Зеленый дом» у пруда, в Заповеднике, а в нашу квартиру заехали Кожевниковы, я с удовольствием подарил свои «дрова» Николаю Кожевникову. Вместе с сараем. Он, не глядя на дрова, очень обрадовался, а, разглядев, попросил меня забрать дрова с собой хоть куда. И чтобы я провалился с ними. Я упирался и всячески впихивал дрова Николаю, но безуспешно. Поэтому весной 1976 года полез в сарай вывозить так называемые дрова. Чувствую: где-то она здесь должна быть, эта уже родная лепешка с цирконом. Найду, не найду? «Дрова» вывез, пол подмел. Лепешки с цирконом нет. Испарилась, что ли? И радостно и жалко. Пошел уже из сарая и увидел ее родную и бедовую – лежит на верстаке. А я ее на полу ждал. Взял и думаю: а что дальше? Тут мне и пришла мысль: чтобы избавиться, надо ее подарить! Кому? Да Славе Полякову!

Слава Поляков приехал к нам в Заповедник по распределению в 1973 году из Новосибирска. Слава нас сразу поразил своим знанием копей и минералов Ильменских гор. Ну, во-первых, оказалось, что он челябинский, а, во-вторых, еще году в 1964 сам или с отцом Олегом Леонидовичем обошел чуть ли не все копи Заповедника. Глаз был – алмаз: возьмет в руки образец, лизнет как следует его, всмотрится и говорит – колумбит с Блюмовской копи. Верно. Возьмет другой образец, раз его – тумпаз (так он часто на старинный старательский лад называл топаз) с Лобачевских копей. Ишь ты, верно. Умел делать все, и чинить все, что угодно: рентгеновскую аппаратуру – пожалуйста, микроскопы, фотоаппараты любых марок – пожалуйста, стиральные машины, холодильники, «велосипеды-мелосипеды» – тоже пожалуйста. И был безотказным в этом. Поэтому всегда на его столе вперемежку с образцами лежали детали от микроскопов, фотоаппаратов, релюшки от холодильников и стиральных машин. Посмотришь на стол – бардак полный, кажется. Все, и я в том числе, так и думали до тех пор пока однажды я не решил Славе Полякову навести порядок на столе. Задержался после работы, разобрал все по кучкам, да баночкам, протер стол. И даже цейсовский бинокляр. Иду утром на работу, а лаборатория наша располагалась в старом музее, на душе почти празднично – вот Слава-то удивится и порадуется порядку! Я еще чуть задержался, чтобы зайти в лабораторию и с порога услышать слова благодарности, а не ходить вокруг чистого стола и не дожидаться, когда Слава на работу придет. Захожу и слышу чуть не матерные слова. Рассвирепевший Слава набрасывается на меня: ты навел у меня на столе бардак? Я промямлил что-то вроде того, что наоборот порядок навел, и чистоту тоже. Заодно. Боже, что тут было: я ничего не могу найти, где такая вот штучка от фотоаппарата Альфреда Георгиевича Баженова, который я чиню второй месяц, тут у меня среди крошек лежал двухмиллиметровый фенакит с 60-той копи на исследования. Где все это? Я готов был провалиться сквозь землю и после этого случая больше никогда не наводил бардак на Славином столе.

И именно в эти дни я принес Славе этот злополучный образец. Знаешь, говорю, Слава, вот циркон какой-то странноватый с могучим жирным блеском с Телячьего загона. Он тут же мне: на Телячьем загоне цирконов быть не может, потому, что быть не может никогда! По определению. Ладно, думаю. Прошло несколько дней. Слава ко мне: где ты

взял этот образец? На Телячьем загоне Серега Жарких нашел и мне подарил. А что? Это не циркон, говорит, он мне. Это монацит! Где ты его взял? На Телячьем загоне в богомоловской канаве нашли. Не может быть, говорит он мне опять. Там ни цирконов, ни, тем более, монацитов быть не может! Докажи, что оттуда. Говорю, времени то прошло почти десять лет, может там уже ничего и не осталось. Докажи и все. Вот думаю, задачка. И сам засумлевался: было-не было?

Апрель. Тут прививки от энцефалита перед полем начали ставить – без них в поле не пускали. А ставил их легендарный наш, по образованию простой фельдшер, а по жизни и уважению великий врач и доктор Мухин Борис Григорьевич. В нашем медпункте на краю поселка. Домик маленький, деревяненький, аккуратненький. Заходишь в приемную, а там картина с зимним пейзажем: домик в лесу, окошечко светится, и косули около с любопытством так из-за сосен на домик поглядывают. И все в снегу. Красота неопишуемая! Правда, художественности никакой. Пропорции в картине все нарушены. Но красиво и запоминающе. До сих пор перед глазами та картина стоит. И всегда очередь к Борису Григорьевичу. Из женщин. Со всего Союза СССР. Что-то он такое знал и умел, что к нему приезжали и из Ленинграда, и из Иркутска, и Владивостока. Занял очередь за Людмилой Федоровной Баженовой. У нас отдельная очередь на прививку. Стою. Очередь еле движется. Говорю Людмиле Федоровне: пока очередь движется, сгоняю на Телячий загон, монацит надо найти для Славы. На велосипеде. Тогда это был наш самый ходовой транспорт.

Пригнал на Телячий загон. Пошел по канаве, вспоминая, где нашли ту лепешку уже с монацитом. Будь он не ладен! Вроде здесь, вроде не здесь, а вроде там. Вот, вроде, и нашел то место. Лихорадочно ковыряю палкой стенку. Разбирается легко. Сыпется тремолит. Монацитов не вижу. Вот что-то черное выпалось, на уголь похожее. Взял, посмотрел, вижу в нем что-то чевкинитистое. По блеску, по сколу, но от классического нашего чевкинита немного блеском и сколом отличается. А у меня ко всему редкометально-редкоземельному внутренняя аллергия. Беру в руки самарскит, эшинит или чевкинит – ладонь жжет, с ортита (алланита) дурь наступает, пространство теряю, подташнивает и аппетит почему-то разыгрывается. Не вру, ей Богу! Чевкинитистый не беру. Ковыряю дальше – хоп! Что-то монацитистое высыпалось. Сложил в пробный мешочек – они всегда у меня с собой были – и обратно в медпункт: очередь, наверное, уже подошла. Говорю Людмиле Федоровне: вот нашел таки этот самый монацит для Славы Полякова. Показал ей. Образцы крупные, до 2 сантиметров осколки. Блеск, правда, какой-то скудноватый, жирности для монацита не хватает. Да, мало ли что бывает, думаю. Главное – нашел. Доказательство есть.

Людмила Федоровна попросила один кусочек на качественную реакцию на фосфор для диагностики монацита. Дал. Позвоню, говорит, через пару часов, когда реакция состоится. Мне вообще хорошо: мало того, что нашел, тут еще и реакция будет. Приехал в лабораторию и молчу, что нашел монацит, да еще столько, что ого-го! Никому ничего не показываю. Проходит часа два-три, звонит Людмила Федоровна и говорит: реакция на фосфор отрицательная! То есть, фосфора нет! Мне плохо стало. Вывалил Славе Полякову на стол свои «монациты» и говорю: вот они, но фосфора нет – Людмила Федоровна определила. Ошибся, получается, по всей программе. Тоска и позор. Слава Поляков проанализировал то, что я принес – оказался хондродит. Не монацит, не циркон, а банальный и не известный до того времени в Ильменах хондродит.

Работал в то время у нас в лаборатории уже Жданов Володя, Владимир Федорович, как мы к нему часто обращались из уважения. Чистый физик, по образованию, следил за приборами, но, как всякий уральский выходец, питал интерес к минералам. Человек он был тихий, говорил негромко, редко, но в яблочко, что называется. Любил анекдоты, но абсолютно их не запоминал. Хохотал до коликов. В поле выезжал вместе с нами. Мне нравилось в нем и то, и другое, потому что когда мы утром выходили с ним парой в маршрут, как правило, не выспавшиеся, я, чтобы его подбодрить, рассказывал ему какой-

нибудь из бесчисленных, известных мной, анекдотов и он хохотал до упаду, окончательно просыпался и день начинался бодро и весело. В обед, когда мы уже утомлялись немного работой, я ему рассказывал тот же анекдот еще раз. Он ухахатывался еще раз и так же до упаду. Вечером перед сном он выслушивал тот же самый анекдот еще раз и я уже ухахатывался вместе с ним и над ним. Работали весело.

В лаборатории повис некий вопрос с этим цирконом-монацитом, который оказался хондритом. Весело завершилось дело. Я уже не был рад всей этой истории. Тут Володя Жданов и спрашивает меня: где это место? Я ему обрисовал. Он пошел и принес кроме прочего, тот самый чевкинит, от которого меня жжет. Слава кинулся с ним «разбираться» и, оп-па! Что-то интересненькое! Поляковит, оказался.

Вот так, с легкой руки Сереги Жарких нашелся в Ильменах хондрит, и был открыт новый минерал – поляковит**.

Сейчас это копь № 97. Самый замечательный кристалл поляковита, который мне удалось увидеть, был найден Сергеем Колисниченко с юными геологами размером в длину 13 сантиметров. Монацит тоже нашли. И эшиниты чудные. И многое другое. И вообще, тело (геологическое) оказалось карбонатитовым. Чудеса в решетке!

* Сохранены авторский стиль, орфография и пунктуация.

** Дополнительную информацию о поляковите см. в монографии В.А. и В.И. Поповых «Минералогия пегматитов Ильменских гор», 2005, с. 114.